

Творчество М. А. Шолохова неразрывно связано с традициями русской классической литературы. Признано влияние на писателя произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. Горького и других русских классиков, в частности, А. П. Чехова.

Как и Шолохов, Чехов – уроженец области Войска Донского. Закономерно, что творчество Чехова вызывало у Шолохова особый интерес. В 1920-21 гг. Шолохов брал книги у вёшенского священника В. В. Евсеева, который «имел большую библиотеку; на полках стеклянного шкафа рядами были расставлены тома Гоголя, Чехова...» [1: С. 304].

Творчество Чехова начинающий писатель изучал в 1923 г. на встречах московской литературной группы «Молодая гвардия». Участники беседы «Чехов – мастер короткого рассказа», проведённой М. А. Шолоховым в 1931 г. для литературного кружка при редакции газеты «Большевицкий Дон», вспоминали: «Шолохов приходил без всяких конспектов, рассказывал свободно, интересно, поражая всех нас большим знанием мастерства Чехова, тонким анализом его произведений», «Михаил Александрович делился с нами своими мыслями о величайшем русском новеллисте, советовал учиться чеховской краткости, меткости изложения, блестящей динамике сюжета. Образ Чехова вставал перед нами точно освещённый прожектором, но по-новому – яркий, глубокий, мудрый».

В 1934 году Шолохов, отвечая на вопрос молодого поэта: «Михаил Александрович, а у кого вы учились литературному мастерству? Кто ваш учитель?», назвал, в числе прочих, А. П. Чехова: «конечно, учусь лаконизму у Чехова, когда шлифую каждую фразу. Но, повторяю, – прислушиваюсь, советуюсь, присматриваюсь, учусь, но – не подражаю». И в дальнейшем, говоря о русских классиках, повлиявших на его творчество, Шолохов

неизменно вспоминал Чехова. В 1937 году, когда корреспондент «Известий» спросил писателя: «Находились ли вы, создавая «Тихий Дон», под чьим-нибудь литературным влиянием?» Шолохов заметил: «Казалось бы, что общего между мною и Чеховым? Однако и Чехов влияет! И вся беда моя и многих других, что влияют еще на нас мало. (...) Возьмём Чехова. Чехов никогда не выпускал полуфабрикатов. И брака у него не найдёшь...»

Писатель М. А. Никулин вспоминает об одной из довоенных встреч Шолохова с ростовскими писателями и журналистами: «Лицо Михаила Александровича совсем просветлело, когда речь зашла об Антоне Павловиче: (...) «Ведь он, Чехов, оставил нам в наследство свои чудеснейшие произведения...» (...) Говоря о Чехове, тихо, но как-то празднично, он поднял взор, дескать, Чехов там, на литературных вершинах!» В 1959 году на приёме национального союза писателей во Франции: «Я люблю и уважаю одинаково всех хороших писателей (...) я предпочитаю Горького. Но Чехов это тоже неплохо. И Гоголь тоже. Что же касается моего ученичества и влияний, которые на меня оказывались, то можно сказать, что я понемногу учился у всех». В том же году, на пресс-конференции в Швеции: «О творческом влиянии... Нельзя сказать, что только один Толстой.... Многие... И русские... И иностранные... Трудно ответить, сколько процентов от Толстого, сколько от Чехова, от любого другого... Я считал полезным учиться у всех...».

Неоднократно упоминал Чехова Шолохов в статьях и выступлениях. В статье, посвящённой памяти М. И. Калинина, приводится высокая оценка последним повести «Степь». Цитата из рассказа А. П. Чехова «Белолобый» звучит в статье «О маленьком мальчике Гарри и большом мистере Солсбери» (1960). Эпизоды из биографии Чехова Шолохов приводил в пример коллегам-писателям: «Чехов, даже будучи тяжело больным, нашёл в себе силы и, движимый огромной любовью к людям и профессиональной писательской настоящей любознательностью, всё же съездил на Сахалин. А многие из нынешних писателей, в частности многие из москвичей, живут в заколдованном треугольнике: Москва – дача – курорт и опять: курорт – Москва – дача. Да разве же не стыдно так по-пустому тратить жизнь и таланты?» «В прошлом русские писатели часто встречались независимо от личных симпатий. Известно, что интенсивные творческие и дружеские отношения связывали Чехова, Горького и многих других русских писателей. Этим, естественно, живёт писательское сообщество и сегодня». «...рождение писателя» –

это мучительный и долгий процесс. Вы знаете, что писатели, как правило, до начала творческой деятельности были людьми совсем других профессий. Скажем, Чехов был врачом. В настоящее время не Литературный институт является поставщиком новых писательских кадров, новых писательских имён».

Писатель критически откликнулся на следующий фрагмент изданных в 1950 г. в Париже воспоминаний И. А. Бунина о Чехове: «Садиться писать нужно только тогда, когда чувствуешь себя холодным как лёд», – сказал он однажды». Не называя Бунина, Шолохов возразил: «Говорят, что Чехову принадлежит фраза о писательском творчестве: «Когда садишься писать, будь холоден, как лёд». Неправда! Не может быть художник холодным, когда он творит!» Не вполне точна характеристика, данная реплике писателя в «Шолоховской энциклопедии»: «Шолохов не согласился с Чеховым в характеристике творческого процесса». Точнее будет сказать, что Шолохов не согласился с интерпретацией Бунина, воспоминания которого он скептически охарактеризовал, как «говорят». И в этом заочном споре прав Шолохов. В письме к писательнице Л. А. Авиловой Чехов пояснял, что сам писатель не должен быть холоден в процессе творчества: «Как-то писал я Вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И Вы меня не поняли. Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление. Вот что я хотел сказать». И ту же мысль развивал в разговоре с Щепкиной-Куперник: «... у вас: «трогательно было видеть эту картину» (как швея ухаживает за больной девушкой). А надо, чтобы читатель сам сказал бы: «Какая трогательная картина...» Вообще, любите своих героев, но никогда не говорите об этом вслух!» Следовательно, шолоховская оценка художественного творчества, как небеспристрастного процесса, соответствует позиции Чехова.

Сравнивая писателей, исследователи отмечают: «Чехов и Шолохов, певцы сказового и песенного края, близки по многим мотивам художественного творчества» [6: С. 125]; «У Шолохова с Чеховым отдалённая, но несомненная близость образов, мотивов, форм» [4: С. 146]. Влияние Чехова, как правило, изучается на материале «Тихого Дона» и «Поднятой целины» [1: С. 87-90; 3: С. 110, 145-169; 5: С. 125-142; 7: С. 105]. Но оно, очевидно, проявляется и в ранних рассказах. Уже в первых опубликованных фельетонах Шолохова видно знакомство с произведениями

Чехова, в частности, фельетон «Испытание» написан по мотивам чеховского рассказа «Пересолил».

Рассмотрим в контексте осмысления М. А. Шолоховым чеховских традиций рассказ «Ветер» (1927) – последний, опубликованный писателем перед «Тихим Доном». Анализ выявил в рассказе ряд параллелей с рассказом А. П. Чехова «Печенег» (1897).

Сходны сюжеты. И в том, и в другом рассказе на казачьем хуторе случайно остаётся на ночёвку проезжий из города: у Чехова – частный поверенный, у Шолохова – учитель. Хозяева хуторов – у Чехова пожилой отставной офицер Жмухин, у Шолохова молодой, безногий калека Турилин – ночью рассказывают гостям истории из своей жизни. И тот, и другой гость рано спешат покинуть хутор, не сдержавшись от грубой реплики в адрес недоумевающих хозяев. То, что сходство не случайно, следует и из совпадения деталей.

Обоим гостям не дают уснуть духота и укусы насекомых.

«Печенег»:

«Было душно перед грозой, кусались комары, и Жмухин, лежа у себя и размышляя, охал, стонал и говорил самому себе: «Да... так» – и уснуть было невозможно (...) Частный поверенный поднялся порывисто и сел.

– Извините, мне что-то душно стало, – сказал он. – Я выйду».

«Ветер»:

«Учителю было душно на холодной печке. Он чувствовал, что по нём ползают морёные вялые вши. Они кусали зло и ненасытно. Полежав с полчаса, он слез с печки и надел полушубок.

– Вот, что, – сказал он хрипло, – я пойду».

Схожа авторская характеристика Жмухина «любил поговорить», и слова Турилина о себе: «Я люблю гутарить».

Со сходного вопроса начинается очередной рассказ владельца хутора:

«Печенег»:

«– Вы спите?

– Нет, – ответил гость».

«Ветер»:

«– Да ты спишь никак? А?

– Нет, – хрипло ответил учитель».

В рассказах обоих хуторян проявляется духовная дикость, особенно ярко выраженная в отношении к женщинам.

Жмухин откровенно признаётся: «Я женщину, признаться, не считаю за человека». Как о чём-то естественном рассказывает он о том, как казаки высекли на Кавказе вдову за то, что её плач об убитом муже мешал сотне спать: «Уж она голосит-голосит, уж она стонет-стонет, и такую на нас тоску нагоняла, что не спим да и всё. Одну ночь не спим, другую не спим; ну, надоело. И, рассуждая по здравому смыслу, нельзя же в самом деле не спать чёрт знает из-за чего, извините за выражение». Равнодушно Жмухин повествует и о слезах и горе собственной жены.

Ярко характеризует отношение к женщинам Турилина: он насилует шестнадцатилетнюю сестру, кормится помощью при абортках, цинично повествует: «Я тебе расскажу, как я двух девок до смерти залечил. Животы сводил им... Поте-е-ха!»

Подчёркнута эмоциональность реплики гостя, неожиданность её для хуторянина:

«Печенег»:

«Много лет назад какой-то проезжий землемер, ночевавший на хуторе, проговорил всю ночь с Иваном Абрамычем, остался недоволен и утром, уезжая, сказал ему сурово: «Вы, сударь мой, печенег!» (...) Частный поверенный оглянулся на Жмухина с каким-то особенным выражением; было похоже, что ему, как когда-то землемеру, захотелось обозвать его печенегом или как-нибудь иначе, но кротость пересилила, он удержался и ничего не сказал. Но в воротах вдруг не вытерпел, приподнялся и крикнул громко и сердито:

– Вы мне надоели!

И скрылся за воротами. (...) Старик, смущенный, не зная, как и чем объяснить этот странный, неожиданный окрик гостя, не спеша, пошёл в дом».

«Ветер»:

«Учитель неожиданно свесил ноги и, дёргаясь вихрастой головой, сказал с холодным бешенством:

– Эк сволочный ты человек! Гадина ты!..

Безногий с минуту молчал, поражённый до немоты».

Вслед за Чеховым, Шолохов прибегает к форме сказа, нередко используемой обоими писателями. Чеховым, например, в «маленькой трилогии»: «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», в таких рассказах как «Бабы», «Ариадна» и других. Шолоховым – в рассказах «Председатель реввоенсовета республики», «О Колчаке, крапиве и прочем», «О Донпродкоме и злоклучениях заместителя Донпродкомиссара товарища Птицына», «Лазоревая степь», «Семейный человек», «Шибалково

семья», «Наука ненависти», «Судьба человека». Исследователь творчества М. А. Шолохова Н. Д. Котовчихина говорит о «важнейшей особенности эпоса как жанра, состоящей в стремлении писателя к объективности повествования, в отстранении авторских симпатий и антипатий, в умении по возможности сдерживать авторские эмоции (хотя, по сути, это непросто), что было характерно, например, для творческого метода А. П. Чехова, не раз подчёркивающего, что в творчестве главное – сущая объективность, правда. «Людам давай людей, а не самого себя» – писал он в письме к брату». Сказовая форма, рассказ от имени героя способствовала выполнению названной задачи. Оценочной характеристике героев служит контраст между жестокостью, безнравственностью рассказываемых ими историй и оправдывающим отношением к ним рассказчика: «И, рассуждая по здравому смыслу, нельзя же в самом деле не спать чёрт знает из-за чего, извините за выражение» (об избиении вдовы за плач по убитому мужу), «Должна бы, как родная сестра, пожалеть, войтить в эту положению» (об изнасиловании сестры) и т. п.

Говоря о чеховских традициях в творчестве Шолохова, Н. Драгомирецкая отмечает: «Чехов организует оценку как бы силами самого объекта, композицией образов-фактов». В. Бритиков отмечал близость шолоховской психологической характеристики к чеховской: «второй план, подтекст шолоховской авторской характеристики по-чеховски глубоко спрятан (...) Чеховский подтекст связывают с мастерством детали (...) «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам», – объясняет Чехов (...) Шолоховский подтекст часто создаётся на основе такого недосказанного, внутреннего подобия (или различия) деталей». И Чехов, и Шолохов воздерживаются от прямых авторских оценок, авторское отношение выражается через детали, контекст, портрет, пейзаж.

В рассказе Шолохова внешнее сходство хозяина хутора с волком – «лобастая голова, широкие в посадке, как у волка, выпуклые глаза», – оказывается соответствующим его внутренней сути. В рассказе Чехова подчёркнута старость, замшелость героя: «старый, сухой и сутулый, с мохнатыми бровями и с седыми, зеленоватыми усами», «ноги, жилистые и сухие, как палки». 68-летний Жмухин родился и получил воспитание в деспотическую николаевскую эпоху, которую защищает перед гостем: «Говорят, что в наше время, лет 30-40 назад, люди были грубые,

жестокие; но теперь разве не то же самое? Действительно, в моё время жили без церемоний».

Пейзаж в рассказе Чехова образует яркий контраст к убогому миру «печенегов»: «Направо далеко видна степь, над нею тихо горят звёзды – и всё таинственно, бесконечно далеко, точно смотришь в глубокую пропасть; а налево над степью навалились одна на другую тяжёлые грозовые тучи, чёрные, как сажа; края их освещены луной, и кажется, что там горы с белым снегом на вершинах, тёмные леса, море; вспыхивает молния, доносится тихий гром, и кажется, что в горах идёт сражение...». В рассказе Шолохова, ветер, который «прямо в лицо бил» герою, позже, в рассказе Турилина, охарактеризованный, как «лютой»; «уродливые очертания дубов» – предвещают путнику неприятную встречу. В конце меняется отношение героя к ветру – «в лицо ему, освежая, дул ветер». По оценке Г. С. Ермолаева, в этой эволюции «заложен смысл целительного воздействия природы на человека, который испытывает боль от жестокости своего ближнего», точнее было бы сказать, что ветер освежает героя после испытанного им чувства отвращения, гадливости от соприкосновения с духовным миром нравственного калеки.

Как и в «Печенеге», в «Ветре» подчёркнуто, что дом не убран, не ухожен. У Чехова: «штукатурка облупилась», «на стенах висели ружья, ягдташи, нагайки, и вся эта старая дрянь давно уже заржавела и казалась серой от пыли. Ни одной картины, в углу тёмная доска, которая когда-то была иконой», У Шолохова: запах «летней пыли», снег в сенях, реплика хозяина: «грязновато трошки в избе». Говоря о значении концепта Дома для героев Шолохова, Н. Д. Котовчихина отмечает «патриархально народное устремление к устройству объективного, не зависящего от него бытия через установление с ним тесной, земной, крестьянской связи. Выражается это в обустройстве семьи, земли и дома. Участок в шесть соток, домишко о двух комнатах с кладовкой и коридорчиком, купленные две козы – это не просто реализация врождённого, присущего русскому человеку крестьянского жизненного уклада, это осуществление генетически врождённого русского типа мироустройства». Жмухин презирает, отвергает семью в целом: «...лучше бы вовсе не жениться. Жена скоро прискучает всякому, да не всякий правду скажет, потому что, знаете ли, несчастной семейной жизни стыдятся и скрывают её. Иной около жены – «Маня, Маня», а если бы его воля, то он бы эту Маню в мешок да в воду. С женой скука, одна глупость. Да и с детьми не лучше». Соответственно, и его

отношение к жене и детям. Характеристика положения жены в авторской речи: «Это не жена, не хозяйка, даже не прислуга, а скорее приживалка, бедная, никому не нужная родственница, ничтожество...»; своими сыновьями, по свидетельству жены, «Иван Абрамыч брезгают, не пускают их в комнаты». Турилин на вопрос о семье отвечает: «У меня, брат, её нету (...) Не нуждаюсь ни в ком». Связи с миром, как у Жмухина, так и у Турилина, оказываются нарушенными, жизнь героев нечеловечна, противоестественна.

Но чеховский сюжет Шолохов переосмыслил по-своему. В изображении Чехова, дикость Жмухина – следствие невежества. Как говорил писатель о казаках Донского края: «Мне больно было видеть, что такой простор, где все условия созданы, казалось, для широкой культурной жизни, положительно окутан невежеством и притом невежеством, исходящим из правящей офицерской среды. Тут виноваты другие, вне власти казаков стоящие, причины, но эта главная. Будь офицер, который на самом деле является главным воспитателем казака, образованнее, культурнее духовно, я уверен, что не было бы такого невежества и «печенег» все бы перевелись».

Жмухин внутренне осознаёт свою неполноценность, тянется к чему-то высшему: «Он любил поговорить о чём-нибудь важном и серьёзном и любил подумать; да и хотелось на старости лет остановиться на чём-нибудь, успокоиться, чтобы не так страшно было умирать. Хотелось кротости, душевной тишины и уверенности в себе, как у этого гостя». «Он любил пофилософствовать, оставаясь с самим собой, в тишине, и тогда ему казалось, что он очень серьёзный, глубокий человек и что на этом свете его занимают одни только важные вопросы. И теперь он всё думал, и ему хотелось остановиться на какой-нибудь одной мысли, непохожей на другие, значительной, которая была бы руководством в жизни, и хотелось придумать для себя какие-нибудь правила, чтобы и жизнь свою сделать такую же серьёзной и глубокой, как он сам». При иных условиях, и он не был бы «печенегом». Из-за условий жизни одичание ждёт его детей, это понимает как мать, мечтающая отдать детей в учение, так и сам Жмухин, но «учить их тут в степи негде, отдать в Новочеркасск в ученье – денег нет, и живут они тут, как волчата. Того и гляди, зарежут кого на дороге».

Герой Шолохова, напротив, с гордостью говорит о себе: «Собой хорошо грамотный». Однако, единственное в чём пригодилась Турилину грамотность – он, лишившись ног, кормится изго-

товлением абортивных средств и сочиняет письма от солдаток к мужьям в армию. Здесь у писателя впервые встречается мотив, позднее развитый в «Они сражались за родину»: фальшивые, составленные по книжным лекалам любовные письма оказываются не интересны мужу-красноармейцу, который просит: «...глупости больше в другой раз не пиши, а объясняй толком, как в хозяйстве».

Как всегда у Шолохова, перед героем стоит задача выстоять в тяжком испытании не только физически, но и духовно. И здесь «хорошая грамотность» не помогает. В рассказе Шолохов ставит вопрос: может ли внешняя беда, тяжесть пережитых испытаний оправдать нравственное одичание, потерю человечности? Первоначально герой вызывает лишь жалость. Во время отступления казаков от красных рушатся узы боевого товарищества. Хопёрские казаки силой не пускают на постой в хату казаков другого округа, Турилин вынужденно ночует в холодном сарае и обмораживает ноги. Санитар со смехом рассказывает безногому, как выбросил его отрезанные конечности на съедение свиньям. Собственный командир не только бросает калеку, но и грабит его, отбирает последние деньги, за которые тот пытался купить место на подводе. Герой рассказа кажется жертвой времени, жертвой взаимной жестокости людей друг к другу в условиях гражданской войны. Но Шолохов изображает и людей, сохранивших в тех же условиях человечность. Латыш-комиссар, давший Турилину – белому казаку – подорожную, чтобы тот смог вместе с больными красноармейцами вернуться домой; крестьянин-хохол, снабдивший его едой на дорогу; сестра, готовая кормить «никудашного» инвалида. Сам Турилин человечность сохранить не смог.

В написанном годом ранее рассказе «Лазоревая степь» Шолохов уже изображал молодого человека, потерявшего ноги из-за гражданской войны. В финале безногий Аникей играет с маленьким племянником, старается поддерживать на людях весёлый вид и, когда никто не видит, целует и обнимает пашню, которую ему более «сроду не доведётся пахать». Но Турилина гложет лишь тоска по «утехе»: «Кишки напхаешь, а сердце глиста точит... Бабы меня жалеют, а мне от ихней жалости ишо хуже. А ить я молодой был и с лица подходимый. Скажу, бывалоча, какой-нибудь: «Заночевать с тобой можно?» – а она в дыбки... Каждной стерье целостного человека подавай, а я половинка. Гребостно им, стал быть».

То, что жалостливых казачек отталкивала от Турилина одна только брезгливость к его телесному недостатку – вывод героя. Очевидно, что не с физической, а с нравственной порочностью Турилина связано то, что порывы «сердца» у него сводились к предложению «заночевать». Однако герой во всём винит жизнь, окружающих, что в итоге приводит его к отказу от нравственных законов: «А какая же тут должна быть совесть, раз кругом мне очко, кругом я обиженный...».

Схожая мысль позднее прозвучала в «Тихом Доне»: «Совесть! – Григорий обнажил в улыбке кипенные зубы, засмеялся. – Я об ней и думать позабыл. Какая уж там совесть, когда вся жизнь похитнулась...», но Григорий не отказывается от ответственности, от признания и своей вины в происходящем с ним: «... у меня вот тут сосёт и сосёт, кортит всё время... Неправильный у жизни ход, и, может, и я в этом виноватый...» Ни в чём не признаёт свою вину Турилин. Изнасилование сестры – «Должна была, как родная сестра, пожалеть, войтить в эту положению». Отказ сестры жить с ним в одном доме – «Как стала на одном, так, проклятая и закостенела. Настойчивая, подлюка». Нечаянное убийство женщин абортивным средством – «поте-е-еха!» Закономерна оценка слушателя, совпадающая с авторской: «сволочной человек».

Та же оценка прозвучала из уст Мелехова в адрес Мишки Кошевого, после слов последнего: «Я за тебя отвечать не хочу». «До чего же ты сволочной стал, Михаил!» – сказал Григорий, не без удивления». Т. е., в «Тихом Доне» дважды появляются параллели с рассказом «Ветер», и, в обоих случаях, когда речь идёт о признании героем своей личной ответственности за происходящее. Закономерно, что связь между указанными фрагментами романа была отмечена в статье М. С. Кургинян «Концепция человека в творчестве Шолохова (Нравственный аспект характеристики персонажа)». Исследователь противопоставила признание Григорием «личной, непосредственной ответственности и принятие всей полноты вины за общий «ход» круто похитнувшейся жизни» – фактическому уходу Кошевого от личной ответственности за судьбу Мелехова после его возвращения из Красной армии: «... Почему тебя в такое время демобилизовали?... раз в армии тебя не оставили, стало быть, дело ясное... Там тебе не верили и тут веры большой давать не будут... ты закручивал всем восстанием... приказ есть такой регистрироваться немедленно... Я за тебя отвечать не хочу». М. С. Кургинян оценила эти реплики Кошевого, как идущие от

«соображений ответственности не внутренней, а внешней, совсем примитивной. Недаром он вызвал в Григории не только злобу, но и удивление». То, что Кошевой в разговоре с Мелеховым снял «с себя ответственность» отмечал и писатель М. А. Никулин. Но наиболее полно смысл поведения Кошевого раскрыл Ф. Г. Бирюков: «Кошевой перекладывает на Мелехова всю ответственность за восстание. Других причин он не видит. И это самое опасное, потому, что он не хочет учитывать ошибок, часть которых приходится и на его долю».

Здесь Шолохов поставил принципиально важный для себя вопрос о том, кто ответственен за трагедию казачества, за восстание 1919 года, за возникновение банд после окончания гражданской войны. Только Кошевые – представители новой власти? Только Мелеховы – восставшие казаки? И тот, и другой ответы для писателя примитивны, упрощающие жизнь. Он не возлагал вину на какую-то одну сторону. Прочтя интервью, в котором писателю приписали мнение, что большая доля вины за трагедию Григория лежит на нём самом, «хотя, конечно, левачество Мишки способствовало тому», Шолохов «подчеркнул в тексте фотокопии журнала приписываемый ему тезис («большая доля вины») и поперёк страницы написал: «Такого я не говорил! Личная вина Григория в этой трагедии есть, но не большая». Итак, доля вины есть у каждой стороны конфликта. Но от признания своей ответственности отказывается именно Кошевой, а не Мелехов. Вспомним, что дед Гришака обличает Коршунова цитатами из Писания и восставших, и усмирителей: «Поднявший меч бранный от меча и погибнет», «Вот, и подошло, что восстал сын на отца и брат на брата». Но Григория слова старика заставляют задуматься, а Мишка отвечает на них смертоносным выстрелом. Закономерно, что если Мелехов изображён в романе носителем высоких душевных качеств, выразителем «представления русского крестьянства о человеческой норме» (Ю. А. Дворяшин), то Кошевой воспринимается читателями, – говоря словами писателей-современников, – как «не просветлённый человек» (А. Толстой), «абсолютный подлец» (А. Фадеев). Признание своей вины, своей ответственности – для Шолохова, важнейший критерий нравственной оценки личности.

Чеховский рассказ мог заинтересовать Шолохова уже как одна из немногих в русской классической литературе попыток создания образа донского казака. Шолохов сожалел, что «читатель, даже русский читатель, по сути дела не знал, кто такие донские казаки. Была повесть Толстого «Казаки», но она имела

сюжетным основанием жизнь терских казаков. О донских казаках, по сути, не было создано ни одного произведения». Чеховский сюжет позволил столкнуть представителей разных жизненных укладов, изобразить и оценить жёсткость казачьей жизни посредством взгляда со стороны. Но, взяв ситуацию из классического произведения, Шолохов наполнил её своим содержанием. Ни невежество героя-казака, ни условия его жизни – главные причины нравственного падения, а внутренняя слабость характера, отсутствие нравственного стержня. И самые экстремальные условия не могут оправдать отказ от совести, от нравственного закона, от ответственности человека за ход жизни.

г. Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бритиков А. Мастерство Михаила Шолохова. М. – Л.: Наука, 1964. 204 с.
2. Кузнецов Ф. Ф. Тихий Дон: Судьба и правда великого романа. М.: Народная книга, 2005. 863 с.
3. Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Кн. 2. 1941-1984. М., 2005. 972 с.
4. Михаил Шолохов: Статьи и исследования. М.: Художественная литература, 1975. 326 с.
5. Соيفер М. И. Мастерство М. А. Шолохова. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1976. 461 с.
6. Тамахин В.М. Шолохов и Чехов // Гуманизм художника: К 70-летию со дня рождения. Ставрополь, 1975. С. 125–142
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма. Т. 5. М.: Наука, 1977. 679 с.